

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.01

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.1.80>

СТОЛКНОВЕНИЕ ТИПОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ДЛИТЕЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ДИСКУССИЙ ПО КОНЦЕПТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© Шиханов В. Н., 2023

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Проведен анализ уголовно-правовой науки средствами постнеклассического подхода. Предметом анализа стали закономерности существования и развития тем и вопросов, имеющих концептуальное значение для уголовного права, однако не находящих своего разрешения. Такие «сгустки» проблем, идей, а также придаваемых им смыслов представлены в виде дискурсов, которые имеют очень длительное существование. Набор средств анализа дополнен категорией «тип рациональности», с помощью которой удалось обнаружить нелинейный характер развития уголовно-правовых знаний. По результатам исследования особенности развития уголовного законодательства и правовой доктрины в XX в. и по настоящее время получен вывод о том, что основным типом рациональности в отечественном уголовно-правовом правосознании и, соответственно, в доктрине является мифологический, в его основе находится ряд мифов, мифологем и соответствующих им символов. Еще более важным названо обнаружение серии попыток смены типа рациональности в уголовном праве (на политический в 1926–1958 гг., на научный с элементами психологии, педагогики и социологии, т. е. в целом криминологии, в 1958–1996 гг.), а также признаков редукции к мифологическому типу после 1996 г. Утверждается, что такие попытки образуют достаточно оригинальное строение уголовно-правовой доктрины, когда в основе оказывается так называемое твердое ядро, принадлежащее мифологическому типу рациональности, а вокруг него сформирован защитный пояс с вкраплениями, остающимися от иных типов рациональности. Сформулирован вывод о том, что многие непрекращающиеся и порой непримиримые споры по ключевым вопросам уголовного права вызваны несовпадением исходных представлений правоведов, а порой и законодателей. Введение категории типа рациональности в научный оборот будет способствовать упорядочению уголовно-правовой теории и гармонизации знаний о преступлении, преступнике, мерах уголовно-правового воздействия и иных уголовно-правовых явлениях.

Ключевые слова: цели наказания, административная преюдиция, наука уголовного права, тип рациональности, дискурс-анализ, эпистемология, постнеклассическое правопонимание.

COLLISION OF TYPES OF RATIONALITY: TO THE QUESTION OF THE REASONS FOR THE LONG-TERM DISCUSSIONS ON CONCEPTUAL ISSUES IN CRIMINAL LAW

© Shikhanov V. N., 2023

Irkutsk Law Institute (office) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

The analysis of criminal law science by means of a post-non-classical approach is carried out. The subject of the analysis was the regularities of the existence and development of topics and issues that have conceptual significance for criminal law, but do not find their resolution. Such “clusters” of problems, ideas, and the meanings attached to them are presented in the form of discourses that have a very long existence. The set of analysis tools is supplemented by the category “type of rationality”, with the help of which it was possible to detect the nonlinear nature of the development of criminal law knowledge. Having studied the peculiarities of the development of criminal legislation and legal doctrine in the XX century and up to the present, it was concluded that the main type of rationality in the domestic criminal legal consciousness and, accordingly, in the doctrine, is mythological. It is based on a number of myths, mythologems and their corresponding symbols. Even more important is the discovery of a series of attempts to change the type of rationality in criminal law (to political in 1926–1958, to scientific with elements of psychology, pedagogy and sociology, i.e. in general, criminology in 1958–1996), as well as signs of reduction to the mythological type after 1996. Such attempts form a rather original structure of the criminal law doctrine, when the basis is the so-called “hard core” belonging to the mythological type of rationality, and a protective belt is formed around it with inclusions remaining from other types of rationality. The conclusion is formulated that many incessant and sometimes irreconcilable disputes on key issues of criminal law are caused by a discrepancy in the initial ideas of jurists, and sometimes legislators. The introduction of the category of the type of rationality into scientific circulation will contribute to the streamlining of criminal law theory and the harmonization of knowledge about the crime, the criminal, measures of criminal legal impact and other criminal law phenomena.

Keywords: destination of punishment, administrative prejudice, science of criminal law, type of rationality, discourse analysis, epistemology, post-non-classical law understanding.

Введение

Уголовное право на протяжении 150–180 лет является отраслью, в которой не утихают жаркие споры о том, как необходимо проводить криминализацию, пенализацию, дифференциацию ответственности, как необходимо обращаться с преступниками, какие задачи должно выполнять уголовное законодательство, какие эффекты должны наступить от действия уголовного права вообще и его применения к конкретным случаям в частности.

В результате длительных дискуссий сложились вполне принципиальные дебаты по поводу функций уголовного права, о целях уголовного наказания и их достижимости, об иных мерах уголовно-правового воздействия и их перспективах. Не менее серьезные споры идут по вопросам системы уголовных наказаний, их соотношения с тяжестью преступлений, о сокращении или расширении видов освобождения от уголовной ответственности, о целесообразности увлечения штрафами взамен лишения свободы и т. п.

Неудивительно, что в кругу правоведов и представителей власти мы получаем достаточно серьезные расхождения по вопросам уголовной политики, а тем более в отношении критериев эффективности уголовного закона. Попытки разобраться в причинах таких разногласий оказываются для любого потенциального (и, разумеется, реального) исследователя сложнейшей задачей:

– перед нами предстает широкая поливариативность в постановке проблем и направлениях их решения, в оценке одних и тех же уголовно-политических событий или возможных направлений развития уголовного права;

– научное наследие открывает перед правоведом миллионы накопленных нюансов по каждой проблеме и в позиции каждого автора. Но как определить, кто из них неправ и в какой части? В такой ситуации нередко утверждается, что в науке представлены разные школы вплоть до уникальности взгляда каждого ученого, каждый из которых по-своему прав.

Но можно ли говорить, что у каждого мыслителя – своя правда? Или же есть некая истина, а подавляющее большинство остальных, кто предлагает что-то иное, оказываются жертвами заблуждений?

Материалы и методы исследования

Человеческое знание не в первый раз проходит через такую ситуацию. В науке сложилось целое направление, которое упорядочивает знания и определяет критерии их «научности», «пригодности», «объективности», выявляет особенности эволюции и т. д., – это эпистемология.

Уголовное право и основные его вопросы, равно как и понимание преступного, наказание, подходы к обращению с правонарушителем, являются объективными феноменами (в классическом подходе), а если быть более точным – интересными (в неклассическом и постнеклассическом подходе).

Это означает, что сторонники разных подходов в вопросах преступления, наказания и вообще преступного и уголовной политики отнюдь не являются волюнтаристами. Они устойчиво исходят либо из разных культур, либо из разных мировоззренческих систем, в рамках которых их утверждения выглядят верными. Различия в этих матрицах во многом предопределяют понимание уголовного права и его задач, возможностей. Отсюда проистекает и основной вектор развития мысли того или иного правоведа.

Здесь мы выходим на явление «рациональности определенного типа». В настоящее время под рациональностью (используя критериальный подход) преимущественно понимают определенную конвенцию или конструкт, выполняющий роль методологического обоснования знания, однако не имеющего объективного референта¹.

Типология рациональности достаточно широка и зависит от точки приложения, целей исследователя, избранных критериев. В частности, выделяют классический тип рациональности, неклассический, неоклассический; рациональность Средневековья, Нового времени и т. д. Можно выделять типы по религиозной принадлежности или же этнокультурной. В любом случае речь идет о специфическом стиле мышления, о поднимаемых проблемах (даже сторонах проблем и обозначении их причин), о методах их решения, содержании так называемого здравого смысла, а следовательно, в целом – о знаниях, которые в рамках данного типа рациональности считаются правильными, «рациональными».

С точки зрения нашего исследования принципиально важным является понимание процессов накопления уголовно-правовых и криминологических знаний: они, во-первых, не развивались линейно от примитивных представлений к более совершенным и научно обоснованным, а проходили через разные типы рациональности. Во-вторых, различные типы и соответствующие им оценки научности/ненаучности знаний могут сосуществовать в одно время в рамках одного общества – в разных его сферах или стратах и даже в разных социальных

¹ См.: Рациональность // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a4d47bb13ceacfee67> (дата обращения: 16.10.2022).

группах в рамках одной страты или в одной социальной группе, но в разных сферах ее бытия.

Используя такой подход, т. е. определив тот тип рациональности, в рамках которого делаются доктринальные утверждения или создаются юридические конструкции, формируется практика, исследователь получает возможность более точно выявлять смысл этих теорий, конструкций и практик, найти существенные различия с другими подходами (отбрасывая в сторону внешние атрибуты и детали).

Результаты исследования

Тип рациональности, на котором строится уголовное право в России, по своему содержанию достаточно оригинален и регулярно подвергается попыткам его сменить.

Например, О. Н. Бибики, опираясь на труды представителей экономического анализа в праве (Г. С. Беккер и др.), пытается сформировать соответствующий – экономический – тип рациональности для уголовного права и криминологии. В таком случае процесс совершения преступлений и деятельность правоохранительных органов (расследование, назначение и исполнение наказаний) рассматриваются через призму отношения «спрос – предложение», вводится понятие цены преступления, которая подвержена инфляции и дефляции и т. д. Многие привычные уголовно-правовые категории и даже институты приобретают совершенно новое звучание. То же касается и криминологической теории, уголовной политики.

Для понимания того, насколько тип рациональности может менять взгляд правоведа (а то и практикующих юристов, политиков, населения), достаточно обратить внимание на предложения Франца фон Листа и практику неопределенных приговоров в странах англосаксонской правовой семьи: если в качестве цели уголовного наказания мы действительно называем исправление (или перевоспитание) преступника, то длительность самого наказания не может определяться судом на стадии постановления обвинительного приговора. Процесс исправления может идти у разных лиц (и разных исполнителей наказания) с разным успехом, а значит, и вывод о необходимости прекращения наказания, о достижении его цели должны делать представители учреждений и органов, которые такое наказание исполняют [10, с. 31–35]. Отечественные правоведа, население и правоприменители в большинстве своем считают такую практику незаконной и произволом, утратой важнейших требований правовой определенности и соразмерности правовых последствий совершенного преступления, угрозой равенству виновных лиц перед уголовным законом.

Конечно, в случае с уголовным правом, в отличие от права гражданского или предпринимательского, мы имеем дело с актами поведения, которые основаны на сложном, порой смутно осознаваемом виновным лицом мотивационном каркасе. Потому рациональность уголовно-правовая обладает спецификой, сочетающей в себе смесь архетипов, этнокультурных явлений, в целом опыта реализации уголовного права и отношений между властью и обществом. О. Н. Бибики вынужден признавать, что в отличие от экономических отношений уголовно-правовая сфера все же обладает существенными особенностями: принудительностью обмена преступлений и наказаний, если их рассматривать как товар, механизмами символического обмена и специфическими ожиданиями участников «рынка» [4, с. 64–72]. Более того, он *de facto* признает, что в основе уголовно-правового сознания находятся мифологические схемы: «...лишение свободы, а тем более смертная казнь применяются вовсе не в надежде на исправление преступника или общее предупреждение преступлений, а в попытке, лишив виновного части времени жизни или всего названного блага, восстановить социальную справедливость, обеспечить взаимность, эквивалентность общественных отношений» [4, с. 75].

Таким образом, в основании типа рациональности российского уголовного права и основанного на нем правового сознания находятся отнюдь не достижения современных гуманитарных или общественных наук. Именно этот так называемый мифологический тип рациональности придает преступлению, преступнику, жертве, причиненному вреду и отправляемому правосудию вполне определенные, архаичные смыслы, формирует особенные ожидания от власти, а также от реализации уголовно-правовых норм с точки зрения результата.

Такие архаичные основания уголовно-правовой доктрины и вообще уголовного права как социокультурного феномена с течением времени оказались прикрыты рационалистической риторикой и некоторыми теоретическими построениями, которые, однако, на поверку оказываются слабо фундированными в научном плане [9, с. 8; 25].

В этом, полагаем, нет ничего удивительного или плохого, так как и само уголовное право гораздо старше его доктрины и, будучи социокультурным феноменом, давно и прочно занимает свое особое место в ментальности наших народов и в системе социального контроля. С развитием научных исследований в области уголовного права как раз и стали происходить попытки сменить тип рациональности, «расколоть» эту правовую отрасль, выявить и описать

новым языком механизм уголовно-правового регулирования.

Однако это является непростой задачей, в особенности тогда, когда предлагается к замене только какая-то часть (доктрины, законодательства) без постановки вопроса о базовых положениях. Так, отечественная правовая мысль XIX–XXI вв. обнаруживает в своем содержании жаркие споры о целях уголовного наказания, механизме его действия, допустимости или целесообразности смертной казни, длительных сроков лишения свободы, о понимании концепта «восстановление социальной справедливости», о возможности наказанием исправлять или воспитывать, о пределах судебного усмотрения или автоматизации применения уголовного закона и т. д. Точка в этих спорах не поставлена до сих пор.

Существенные и непримиримые противоречия между правоведами, а также порой зеркальные аргументы оппонентов позволяют нам утверждать, что в основаниях их позиции подчас лежит разное понимание уголовного права – именно из разных типов рациональности: кто-то исходит из архаичных представлений, кто-то из подходов Нового времени или же вовсе не утилитаристских и экономических.

Сочетание твердого ядра уголовного права (мифологического в своей основе) с результатами осмысления его отдельных частей через призму других типов рациональности создаст достаточно оригинальную картину, с вкраплениями и наслоениями аргументов, а также утверждений о таких связях между явлениями, которые кажутся самоочевидными, однако на самом деле многое из этого – симулякры либо мифологемы, прикрывающие прежнее архаичное содержание.

УК РСФСР 1926 г.¹ совершил серьезный поворот – детерминистический², отказавшись от концепта наказаний вообще и перейдя к мерам социальной защиты. Эта доктрина уголовно-правового воздействия, с теорией опасного состояния, являла собой на тот момент отражение принципиально нового типа рациональности. Как указывал П. И. Стучка, «никакой божьей кары, никакой личной или классовой мести, на которой основывалась в прежнее время эта отрасль права, наше мировоззрение не признает» [17, с. 63].

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. (ред. от 27.04.1959, утратило силу) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

² Отрицающий свободу воли в поведении человека, поскольку преступник – продукт социальной среды, как и в принципе индивид, по К. Марксу, есть отражение совокупности общественных отношений.

Однако в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., а затем и в уголовных законах всех республик СССР появились формулировки, уже частично возвращающие нас к мифологическому типу рациональности (ст. 20 Основ): «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (выделено нами. – В. Ш.)»³.

В результате в дискурс об уголовном праве вообще и уголовном наказании в частности вновь вводится образ кары, возмездия. Однако в целом с 1958 по 1996 г. в науке уголовного права, в возродившейся криминологии, а также в уголовной политике происходили достаточно смелые попытки скорректировать тип рациональности, отказаться от мифологических его оснований и заменить их на более научные (говоря терминами М. Вебера – расколдовать). В первую очередь заметно, что новые уголовные законы куда более оптимистично относились к возможности сделать из преступника нормального советского гражданина. С этим связан запрос на изучение личности преступника в уголовном праве и криминологии [11; 13; 20], а также на исследования в области пенитенциарной психологии, педагогики.

«В социалистическом государстве, – пишет А. Б. Сахаров, – уголовно-правовая борьба с преступлениями есть борьба с антиобщественными проявлениями личности. Направленная на подавление этих проявлений, такая борьба не подавляет, однако, самой личности преступника, а, напротив, исходит из задачи нравственного восстановления личности. Эта задача требует глубокого изучения свойств и обстоятельств, относящихся к личности преступника, что необходимо для решения коренных вопросов уголовного права (об основаниях, условиях и пределах уголовной ответственности, о задачах и принципах применения наказаний, об отдельных видах наказуемых деяний и т. д.)» [20, с. 3].

Нельзя не отметить, что официальная идеология второй половины XX в. в СССР не допускала утверждений или гипотез, что причины преступности находятся в социалистических общественных отношениях. Это делало политически предсказуемой цель наук криминального цикла – перевоспитать тех, у кого правосозна-

³ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.

ние оказалось дефектным, препятствующим нормальной социализации при новом общественном строе и новой культуре.

Эти формулировки в уголовном законодательстве того времени породили множество дискуссий среди правоведов, однако сама установка точек зрения свидетельствует о том, что спорящие стороны исходили из разных типов рациональности. Кто-то в большей степени опирался на мифологическое твердое ядро уголовного права (оно выжило, пройдя через период 1919–1958 гг.), но стремился усовершенствовать его защитный пояс путем более современных аргументов [3; 7; 21], а кто-то все еще стремился изменить тип рациональности, правда не целиком, а в отдельных вопросах [14; 19; 23]. Юридическая сторона этих дискуссий достаточно подробно описана Р. В. Килимбаевым и В. Ф. Лапшиным [24, с. 138–152], И. М. Рагимовым [17, с. 71–169], В. Н. Орловым [15] и другими правоведами, исследовавшими вопросы о сущности, целях и критериях эффективности уголовного наказания.

Например, в 1971 г. М. Д. Шаргородский, вступив в полемику о поиске критериев эффективности уголовного наказания (а сам этот спор, в особенности с попытками введения числовых критериев и математического аппарата, знаменует собой попытки частичной замены типа рациональности в уголовном праве), отметил: «Представляется сомнительной возможность путем эмпирического анализа исследовать или статистически определить конкретное воздействие определенных мер наказания (как в отношении отдельных лиц, так и вообще) на достижение его целей. <...> критерии эффективности наказания определяются тем, что все цели наказания, указанные в литературе, <...> либо достигаются самим фактом применения (возмездие, кара, причинение страдания, восстановление справедливости и т. п.) и, таким образом, для констатации их эффективности никакие критерии не нужны, либо вообще их эффективность не может быть учтена какими-либо конкретными критериями (исправление, перевоспитание и т. п.)» [16, с. 120].

Как видим, видный советский правовед строил свою позицию на таком типе рациональности, который в основе своей является мифологическим и не предусматривает подробных расчетов возмездия ради искупления вины преступника. Здесь вновь обнаруживает себя цикличность мифа о вечном возвращении.

Поскольку в своих мировоззренческих основаниях и содержании уголовно-правового сознания правоведы не сходились (как не сходятся до сих пор), постольку и точку в спорах поставить

не представилось возможным. Вместе с тем опыт применения уголовного закона, а также происходившие изменения в обществе (его культуре, структуре, экономических отношениях) привели к преобладанию пессимистических оценок относительно возможности перевоспитания преступников [1, с. 87]. И хотя в Уголовно-исполнительном кодексе РФ, а также нормативных правовых актах по вопросам исполнения уголовных наказаний воспитательной работе уделяется достаточно много внимания, тем не менее в УК РФ 1996 г. такой цели больше нет.

Налицо завершение неудачной попытки корректировки типа рациональности уголовного права с помощью гуманитарных наук, вторжения в твердое ядро. Одновременно с этим, как уже неоднократно отмечалось, произошло разочарование власти в методах борьбы с преступностью, предлагаемых позднесоветскими и постсоветскими науками криминального цикла. Нельзя не отметить, что, по мнению целого ряда видных отечественных правоведов, имело место также и намеренное игнорирование достижений и предложений наук криминального цикла в неблагоприятных конъюнктурных целях. Вместе с тем А. М. Разогреева резонно подмечает, что причина разрыва связи «власть – наука» кроется в коренном изменении моделей государственного управления [18].

Примечательно, что на этом фоне в ст. 43 УК РФ 1996 г.¹ цели наказания были скорректированы не просто путем исключения цели перевоспитания, но, главное, путем введения цели восстановления социальной справедливости. Эта цель также вызвала множество споров, в которых «истина» до сих пор не родилась, однако сам дискурс говорит уже о многом.

Несмотря на споры о юридической стороне этой цели уголовного наказания и возможности эмпирической проверки ее достижения, доводы авторов в любом случае сводятся к «восстановлению»: нарушенных общественных отношений, нарушенных прав личности, прежнего (право)порядка и законности, справедливости в целом [24, с. 152–157]. Здесь однозначно вырисовываются циклические черты мифа о вечном возвращении (восстановлении). В этой связи Ю. Ю. Ветютнев верно отметил, что «правопонимание – это не только отражение реальности, но и способ организации опыта в соответствии с ценностными предпочтениями, в числе которых ценность традиции и ценность корпорации» [Цит. по: 22, с. 192].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Эмпирического, строго научного основания для любой доктринальной позиции о возникновении и достижении цели «восстановить социальную справедливость» найти не удастся. Этот конструкт родился обратным порядком: попал в уголовный закон из вполне определенного уголовно-правового сознания с мифологическими корнями и теперь требует работы по его «рациональному», научному истолкованию. По этой причине высказываемые аргументы, основанные в большей степени на риторике о видах справедливости и объекте уголовно-правовой охраны (который пострадал и восстанавливается), в итоге становятся новыми мифологемами, прикрывающими архаичный, мифологический тип рациональности в самом уголовном праве и в уголовно-правовом сознании, в правовой культуре российских народов.

То, как в основе неразрешимых споров оказываются разные типы рациональности, можно видеть на примере дискуссий о допустимости административной преюдиции в уголовном праве. Весьма утилитарной риторике о том, что упорство правонарушителя, отсутствие исправительных результатов от административной ответственности требуют последовательного усиления мер государственного принуждения, которые к нему применяются (в последующий раз – уголовно-правовых средств), противопоставлена другая позиция, основанная в большей степени на мифологическом типе рациональности: повторение административного правонарушения не может поменять его правовую природу и сделать преступлением, поскольку в повторившемся нарушении административного законодательства все равно нет важнейшего признака, свойственного только преступлению, – общественной опасности; а значит, и у правонарушителя такой признак (читай – запятнанность прикосновенностью к сакральному, к преступлению) не возникает; отсюда применять меры уголовного наказания к такому (пусть и заядлому) правонарушителю нельзя [5; 8; 12, с. 25; 2, с. 40–41; 6, с. 47].

Выводы

Результаты нашего исследования позволяют утверждать, что мифологический тип рациональности, лежащий в основании уголовно-правового сознания, не требует неперменной сменны, поскольку поддерживается значительной частью профессиональных юристов и обывателей. Это видно из научных статей, монографий, текстов законопроектов, заявлений политиков, а также обыденной риторики по вопросам обращения с правонарушителями. Этим, в частности, объясняется устойчивость данного типа рациональности в уголовном праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликиперов Х. Д. Электронная технология определения меры наказания («Электронные весы правосудия») / предисл. А. И. Коробеева. СПб. : Юридический центр, 2020. 170 с.
2. Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2011. № 2. С. 39–52.
3. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в условиях исправительно-трудовых учреждений. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 186 с.
4. Бибик О. Н. Рынок преступлений и наказаний. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр, 2021. 360 с.
5. Волженкин Б. В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12. С. 2–7.
6. Иванов Н. Г. Уголовная политика России и совершенствование уголовного законодательства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 47–49.
7. Карпец И. И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Юрид. лит., 1973. 287 с.
8. Ковалев М. И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. С. 3–14.
9. Кулыгин, В. В. Этнокультура уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2003. 473 с.
10. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2008. 110 с.
11. Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы : межвуз. науч. сб. / отв. ред. И. С. Ной. Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1981. 136 с.
12. Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1982. 173 с.
13. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1962. 156 с.
14. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1973. 193 с.
15. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты. М. : Ун-т им. О. Е. Кутафина, 2013. 416 с.
16. Преступность и ее предупреждение : сб. ст. / под ред. Н. П. Кан, М. Д. Шаргородского. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 224 с.
17. Рагимов И. М. Преступность и наказание. 2-е изд. СПб. : Юридический центр, 2018. 352 с.
18. Разогреева А. М. Пост(советская) административная криминология: игра на понижение // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2016 года) / под ред. В. С. Комиссарова. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 225–228.
19. Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Томск : Томский гос. ун-т, 1965. 36 с.
20. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1961. 279 с.
21. Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 78–89.
22. Воропаев Д. А., Павлов В. И., Савенок А. Л. Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики // Правоведение. 2018. № 1. С. 178–205.
23. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. 288 с.
24. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития : монография / под ред. В. Ф. Лапшина. М. : Юрлитинформ, 2018. 408 с.

25. Шиханов В. Н. Иррациональное в уголовном праве: между крахом юридической науки и ее новыми горизонтами // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: А. М. Бычкова, С. И. Суслова. Иркутск : Иркутский юрид. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста), 2020. С. 175–181.

REFERENCES

1. Alikperov Kh.D. *Elektronnaya tekhnologiya opredeleniya mery nakazaniya («Elektronnye vesy pravosudiya»)*. Predisl. A. I. Korobeeva [Electronic technology for determining the measure of punishment ("Electronic Scales of Justice"). Foreword A. I. Korobeeva]. St. Petersburg, Legal Center Publ., 2020, 170 p. (in Russian)
2. Bezverkhov A.G. *Administrativnaya preyudicial'nost' v ugovnom zakonodatel'stve Rossii: istoki, realii, perspektivy* [Administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: origins, realities, prospects]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law], 2011, no. 2, pp. 39-52. (in Russian)
3. Belyaev N.A. *Celi nakazaniya i sredstva ih dostizheniya v usloviyah ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenij* [The goals of punishment and the means of achieving them in the conditions of correctional labor institutions]. Leningrad, Leningrad. un-t Publ., 1963, 186 p. (in Russian)
4. Bibik O.N. *Rynok prestuplenij i nakazaniy. 2-e izd., pererab. i dop.* [Market of crimes and punishments. 2nd ed., revised, and additional]. St. Petersburg, Legal Center Publ., 2021, 360 p. (in Russian)
5. Volzhenkin B.V. *Princip spravedlivosti i problemy mnozhestvennosti prestuplenij po UK RF* [The principle of justice and the problem of multiplicity of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakonost' [Legitimacy]*, 1998, no. 12, pp. 2-7. (in Russian)
6. Ivanov N.G. *Ugolovnaya politika Rossii i sovershenstvovanie ugovnogo zakonodatel'stva* [Criminal policy of Russia and improvement of criminal legislation]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2017, no. 4, pp. 47-49. (in Russian)
7. Karpets I.I. *Nakazanie: social'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Punishment: social, legal and criminological problems]. Moscow, Yurid. Liter Publ., 1973, 287 p. (in Russian)
8. Kovalev M.I. *Prestuplenie i prostupok* [Crime and misconduct]. *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usilenie bor'by s pravonarusheniyami: Mezhdvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of improving legislation to strengthen the rule of law and strengthen the fight against offenses: Interuniversity. Sat. scientific tr.] Sverdlovsk, Sverdl. legal in-t Publ., 1982, pp. 3-14. (in Russian)
9. Kulygin V.V. *Etnokultura ugovnogo prava: dis... d-ra yurid. nauk : 12.00.08.* [Ethnoculture of criminal law: sci. diss. abstr.]. Khabarovsk, 2003, 473 p. (in Russian)
10. Sheet F. *Zadachi ugovnoy politiki. Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe javlenie / Sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo* [Tasks of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon. Comp. and foreword. V.S. Ovchinsky]. Moscow, INFRA-M Publ., 2008, 110 p. (in Russian)
11. *Lichnost' prestupnika i ugovnaya otvetstvennost'. Pravovye i kriminologicheskie voprosy: mezhdvuzovskij nauchnyj sbornik. Otv. red. I.S. Noy.* [The identity of the offender and criminal liability. Legal and criminological issues: interuniversity scientific collection. Ed. I. S. Noy]. Saratov, Saratov State. un-t Publ., 1981, 136 p. (in Russian)
12. Malkov V.P. *Mnozhestvennost' prestuplenij i ee formy po sovetskomu ugovnomu pravu* [Plurality of crimes and its forms in Soviet criminal law]. Kazan, Kazan state un-t Publ., 1982, 173 p. (in Russian)
13. Noy I.S. *Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugovnom prave* [Questions of the theory of punishment in Soviet criminal law]. Saratov, Saratov State. un-t Publ., 1962, 156 p. (in Russian)
14. Noy I.S. *Sushchnost' i funkcii ugovnogo nakazaniya v Sovetskom gosudarstve: politiko-yuridicheskoe issledovanie* [Essence and functions of criminal punishment in the Soviet state: political and legal research]. Saratov, Saratov State un-t Publ., 1973, 193 p. (in Russian)
15. Orlov V.N. *Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, celi, sistema, ob'ekty i sub'ekty.* [Criminal punishment: concept, goals, system, objects and subjects]. Moscow, Univ. im. O. E. Kutafina Publ., 2013, 416 p. (in Russian)

16. *Prestupnost' i eyo preduprezhdenie: sbornik statej. Pod red. N. P. Kan, M. D. Shargorodskogo.* [Crime and its prevention: collection of articles / Ed. N. P. Kan, M. D. Shargorodsky]. Leningrad, Leningrad. un-t Publ., 1971, 224 p. (in Russian)

17. Ragimov I.M. *Prestupnost' i nakazanie. 2-e izd.* [Crime and punishment. 2nd ed.] St. Petersburg, Legal Center Publ., 2018. 352 p. (in Russian)

18. Razogreeva A.M. *Post(sovetskaya) administrativnaya kriminologiya: igra na ponizhenie* [Post (Soviet) administrative criminology: a short game]. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava : Materialy X Rossijskogo kongressa ugovnogo prava (26-27 maya 2016 goda). Pod red. V.S. Komissarova.* [Criminological foundations of criminal law: Materials of the X Russian Congress of Criminal Law (May 26-27, 2016). Ed. V.S. Komissarov]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2016, pp. 225-228. (in Russian)

19. Remenson A.L. *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchyonnyh. Avtoref. dis... d-ra yurid. nauk.* [Theoretical issues of execution of imprisonment and re-education of prisoners. Cand. sci. diss. abstr.]. Tomsk, Tomsk State. un-t Publ., 1965. 36 p. (in Russian)

20. Sakharov A.B. *O lichnosti prestupnika i prichinah prestupnosti v SSSR.* [On the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR]. Moscow, Mrs. Legal Literature Publ., 1961, 279 p. (in Russian)

21. Smirnov V.G. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ugovnoe nakazanie* [Criminal liability and criminal punishment]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 1963, no. 4, pp. 78-89. (in Russian)

22. Voropaev D. A., Pavlov V. I., Savenok A. L. *Sovremennye podhody k ponimaniyu prava i ih vliyaniye na razvitie otraslevoj yuridicheskoy nauki, zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noj praktiki* [Modern approaches to understanding law and their influence on the development of branch legal science, legislation and law enforcement practice]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 2018, no. 1, pp. 178-205. (in Russian)

23. Struchkov N.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i eyo realizaciya v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal liability and its implementation in the fight against crime]. Saratov, Saratov state un-t Publ., 1978, 288 p. (in Russian)

24. *Ugolovnoe nakazanie: social'no-pravovoj analiz, sistematizaciya i tendencii razvitiya : monografiya. Pod red. V.F. Lapshina* [Criminal punishment: socio-legal analysis, systematization and development trends: monograph. Ed. V.F. Lapshina]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2018, 408 p. (in Russian)

25. Shikhanov V.N. *Irracional'noe v ugovnom prave: mezhdru kraham yuridicheskoy nauki i eyo novymi gorizontami* [Irrational in criminal law: between the collapse of legal science and its new horizons]. *Problemy sovremennoy zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Otv. red. A.M. Bychkova, S.I. Suslova* [Problems of modern legislation in Russia and foreign countries: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. Ed. ed. A.M. Bychkova, S.I. Suslova]. Irkutsk, Irkutsk legal. in-t (branch) VGUyU (RPA Ministry of Justice) Publ., 2020, pp. 175-181. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 08.02.2023

Received on 31.03.2022; approved on 15.05.2022; accepted for publication on 08.02.2023

Шиханов Владимир Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Россия, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), ORCID: 0000-0002-9751-0714, e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru

Shikhanov Vladimir Nikolaevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (1, Shevtsov st., Irkutsk, 664035, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-9751-0714, e-mail: ShikhanovVN@rambler.ru